

УДК 02.41.21

Рыжков Д.Л.

Московский государственный горный университет

ПРОТИВОРЕЧИЕ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ: АНАЛИЗ МЕТОДА

D. Ryzhkov

Moscow State Mining University

CONTRADICTION AS FACTORS OF SOCIAL PROCESSES: ANALYSIS OF THE METHOD

Аннотация. Статья посвящена обоснованию актуальности метода исследования социальных процессов, в соответствии с которым основаниями социального развития выступают общественные противоречия, реализующиеся в иных по отношению к себе формах. В связи с этим сравниваются теоретические подходы к природе общественных классов и их роли в историческом процессе. Особое внимание уделено анализу метода выявления оснований общественных противоречий в социальной философии марксизма, возможности его применения при изучении современной системы общественных отношений.

Ключевые слова: социальные противоречия, общественные классы, разделение труда, марксизм.

Abstract. The article is devoted to the substantiation of the relevance of the method of research of social processes, according to which the basis of social development is seen in the social contradictions realized in different forms. In this connection the theoretical approaches to the nature of the social classes and their role in the historical process are compared. Considerable attention is paid to the analysis of the method of revelation of the basis of the social contradictions in the social philosophy of Marxism, and the possibilities of its application to the studies of modern system of social relations.

Key words: social contradictions, social class, differentiation of labour, Marxism.

Поиск источников социальных противоречий является смыслом любого изучения социального организма, так как конечной целью социального познания является воздействие на общество. Человек, социальное сообщество или общество в целом обращают внимание на любое явление или процесс, делая их в той или иной степени объектами своей деятельности. Со временем, если потребность использования такого объекта нарастает, человек модифицирует своё взаимодействие с ним, для чего нужны знания о структуре используемого объекта и его внутренних взаимосвязях. Всё это свойственно и обществу, как изучаемому объекту, с одним серьёзным дополнением – человек или социальные группы не внешне взаимодействуют с обществом, а сами его образуют, то есть выступают объектами внутренних взаимосвязей и, как следствие, объектами социальных исследований.

Если исходить из того, что общество является системой развивающейся, то возникает вопрос об источнике развития, который можно разрешить двумя принципиально разными способами. Первый исходит из нахождения такого источника вне общества. Не вдаваясь в размышление о том, что можно подразумевать под понятием «вне общества», должно признать, что в этом случае научное понимание такого источника немислимо, поскольку лежит вне поля действия законов бытия.

Если же источник внутри социальной системы, тогда его исследование связано со структурой социума и того, что им унаследовано из иных уровней организации бытия. Наличие разных уровней организации в одной системе, а именно *социального* и *биологического*, открывает возможности для различных взглядов на закономерности её развития в зависимости от детерминирующего фактора: социального или биологического. Возможен и совершенно

иной метод, представляющий собой соединение разных уровней организации для целей познания общественных отношений, то есть создание модели взаимосвязи биологического и социального в масштабах всего общества. Будет ли это эклектикой либо синтезом, – зависит от того, насколько подобный метод может объяснять исторические явления и процессы как в логическом, так и в историческом плане.

На современном этапе изучения общественных процессов наиболее оспариваемой и в то же время вновь и вновь цитируемой концепцией понимания природы общественных противоречий является система взглядов социальной философии марксизма. Претензии вполне понятны, учитывая, что становление марксизма происходило на фоне серьёзной теоретической базы, накопленной европейскими исследователями и мыслителями к началу XIX столетия. В рамках настоящей статьи будет рассмотрена проблема актуальности исследовательского подхода социальной философии марксизма для социального анализа.

В письме к И. Вейдемейеру Маркс заявил: «...Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов, ни та, что я открыл их борьбу между собой. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определёнными историческими фазами развития производства, 2) что классовая борьба необходимо ведёт к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов...» [4, т. 28, 424]. Попробуем дать краткий анализ этих выводов.

Отвлечёмся от диктатуры пролетариата и заострим внимание на утверждении об общественных классах. Действительно, историки эпохи реставрации Бурбонов до Маркса определили класс как категорию обществен-

ного бытия, имеющую *социальную* природу: «Все праздношатающиеся, каково бы не было их происхождение, все те, которые искали в жизни достающихся без труда наслаждений, становились под королевские знамена, защищая интересы подобные их собственным интересам, и, наоборот, те из потомков прежних завоевателей, которые занимались тогда промышленностью, присоединились к партии общин» [7, 52].

Утверждение того, что классы происходят не от биологического в человеке и не от данного ему свыше положения в обществе, – это действительно заслуга, не принадлежащая Марксу. *Но это ещё и не марксизм.* Говорить о классах «имущих» и «неимущих», «рабов» и «господ» и т. п. – не значит ещё определить *природу* социального движения классов. Так, если при рабовладении «имущие» и «господа» могли быть легко отождествлены друг с другом, как и «неимущие» с «рабами», то в капиталистическом мире это уже настолько не очевидно, что само существование классов ставится под сомнение.

Историкам эпохи реставрации Бурбонов наличие общественных классов представлялось последствием завоеваний, поэтому во французской исторической мысли того времени господствовала теория этнического происхождения феодализма, согласно которой аристократы являются потомками германцев-франков, а буржуазия, ремесленники и крестьяне – потомками покорённых франками галлов. Так, Ф. Гизо писал, что в течение тринадцати столетий побеждённый народ боролся для того, чтобы свергнуть иго народа-победителя, и что история французов есть история этой самой битвы, кульминацией которой стали революционные события [6, 1-2].

Вот почему трудно считать, что послышки социальных классов открыты буржуазными историками, как это утверждает Маркс. С одной стороны, классам впервые придан исторический характер, а с другой – они представлены как выражения вражды двух *рас*. Иначе говоря, классовая борьба выступает здесь не как имеющая собственную природу,

а как форма иной борьбы, в данном случае – этнической.

Между тем в социальной философии марксизма обосновывается **объективность** природы общественных классов. Люди могут вступать друг с другом в отношения в зависимости от исповедания той или иной религии, приверженности идеям, причислять себя к определённой культуре, принадлежности к этносу или нации и т. д. Но эти отношения будут носить по преимуществу субъективный характер, ибо зависят от воли людей. Их общее и различное будет определяться одинаковым либо разным осознанием тех или иных ценностей, взглядов, явлений. Но, так или иначе, и воля, и осознание – отражённое и специфически освоенное сознанием общественное бытие.

Общее и различное для индивидов по поводу их классовой принадлежности от них не зависит, ибо определено общим и различным в **потребностях**, возникающих из **отношений собственности** на средства производства, а следовательно, и интересов образующихся в связи с этим общественных групп. Это **сугубо социальные** потребности, определённые владением или невладением капиталом, которые осознаются индивидами с тем, чтобы согласовывать собственную деятельность с удовлетворением этих самых потребностей. Так рождается социальный интерес, представляющий ту сторону общественного человека, которая определена только его местом в общественных связях. Иными словами, экономические потребности класса и общества в целом не тождественны, а, значит, обусловленные ими интересы разных социальных классов – разные, и заложенное здесь противоречие интересов реализуется в общественных отношениях. В этом и была новизна метода анализа социальной реальности, понимания природы общественных антагонизмов, объективно разделяющих общество на социальные группы с противоположными интересами. Поэтому обвинение в адрес марксизма в отсутствии дефиниции социального класса, по сути, является подменной самой понятия его оформлением, когда

наличие определения видится следующим образом: «общественные классы – это ...», а если такой фразы нет, то и определения нет.

Относительно экономической анатомии классов можно сказать, что, несмотря на то, что британская политэкономия XVII – начала XIX вв. продвинулась дальше историков эпохи Реставрации, её представители так и не ответили на вопрос о **происхождении** социальных классов. Так, А. Смит в известной работе «Исследование о природе и причинах богатства народов», изучая экономическую структуру социума, приходит к выводам о том, что во всяком обществе анатомия общественных классов одинакова, а экономические законы буржуазного общества – естественные законы и других быть не может. Смит даже рассматривает феодализм не как исторически определённый общественный уклад, а как нечто искусственное, называя его «режимом» [5].

Однако, пытаясь объяснить экономическое содержание разных форм земледелия, А. Смит вывел **экономические основания** общественных классов в буржуазном обществе. Способ извлечения дохода – вот то, что, по его мнению, образует класс. А именно: рента с земли, заработная плата и прибыль на капитал составляют доход трех различных классов [5, 194]. То же самое мы находим в первом абзаце главы «Классы» третьего тома «Капитала», однако главное обозначено дальше: «Мы видели, что постоянная тенденция и закон развития капиталистического производства состоит в том, что средства производства всё больше и больше отделяются от труда, что расплывённые средства производства всё больше концентрируются в большие группы, что, таким образом, труд превращается в наёмный труд, а средства производства – в капитал [4, т. 25, ч. 2, 457-458].

Такое понимание общественных классов впервые указывает на их историческую обусловленность и динамичность, а именно – что их социальная структура определена **способом общественного производства**, а не завоеваниями народов и не воплощением каких-либо универсальных законов при-

роды в общественном устройстве. Здесь же Маркс ставит главный вопрос о том, **что** образует класс, и успевает показать, что это вовсе не тождество доходов и их источников. Маркс не успел развить этого представления в незаконченной главе – помешала смерть. Однако полторы странички только начатой главы имеют несоизмеримо большее научное значение, чем многие тома, написанные социологами и политологами XX в. о социальной стратификации, о белых и голубых воротничках, о политических элитах, о менеджерской революции и ещё о многом другом, потому что никто из них не ввёл **сущностного критерия** для анализа отношений конкретного (а не абстрактного, чаще всего, субъективно определяемого) социального класса с другими группами людей. Все эти рассуждения преследовали цель объяснить нарастающую пестроту социальной структуры в прошлом веке. Но в расчёт не брались то, что и внутриклассовое устройство, и сами классы не могут не претерпевать постоянных метаморфоз в связи с изменениями того, **что** определяет их бытие, – различие отношений к средствам общественного производства. Углубляющиеся техническое и социальное разделение труда усложняют и разнообразят не только средства общественного производства, но и живой человеческий труд, соединяющийся с ними. Дифференцируется и специализируется труд людей, занятых в общественном производстве, и, значит, усложняется общественное распределение, то есть распределение людей по нишам общественного производства. Сколь сложны и специфичны эти процессы, столь же сложна и своеобразна динамика классово-структуры. Поэтому классовая структура как стройная социальная пирамида, в которой чётко определено место каждого индивида, не может иметь принципиального значения. **Важно** лишь наличие самого **характера классовых отношений** и конкретно-исторической формы его проявления.

В марксистских основаниях общественных классов оказываются связанными **место** в общественном производстве **и доля**

общественного богатства, которой владеет группа индивидов. Главное, что из этого следует, – это то, что, согласно классовой теории, люди объединены в социальные группы не по чьей-то воле (человеческой или божьей), не на основе исповедования общих идей, а независимо от самих индивидов, то есть объективно. Объективно люди оказываются объединёнными в разные классы, а значит – и ввергнутыми в исторически конкретные общественные отношения, детерминированные не столько их желаниями и волей, сколько ролью и местом в системе общественного производства, распределения, обмена и потребления материальных и духовных благ.

Такое положение чаще всего принимается за мистификацию истории, когда исторический процесс видится как нечто внешнее по отношению к личности. Именно такое видение и критикуется как якобы марксистское. Причиной этой ошибки является, во-первых, сложность метода Маркса, вызванная сложностью изучаемого объекта – системы общественных отношений. С другой же стороны – невежеством критиков, путающих Маркса с представителями **экономического детерминизма**: «Изменения в экономической организации общества сопровождаются крупными политическими, социальными, моральными и интеллектуальными изменениями, затрагивающими те обильные или скудные средства, при помощи которых осуществляются задачи хозяйства» [2, 320-321]. К слову сказать, Ричард Джонс, являясь представителем экономического детерминизма, ввёл такие понятия, как «способ производства» и «способ распределения», что могло бы служить основанием ещё раз упрекнуть марксизм в эклектике или плагиате. Однако, как и в случае с «классами» в домарксистских исследованиях, так и в экономическом детерминизме данные понятия оказываются «размытыми», не имеющими чёткого критерия. Это один из многочисленных примеров того, что учёные, «нащупывая», ощущая, приближаясь к сути вопроса, ещё не могли создать строгой научной концепции, что удалось сделать только в работе «Капитал» [4, т. 25, ч. 2, 457-458].

Разъяснение отличий концептуальных положений марксистской теории социальных классов и его предшественников на этом поприще даёт возможность перейти к рассмотрению метода социальной философии марксизма, который, как и в случае с классами, не изложен в виде определения, что создаёт трудности для его понимания.

Исторически сложилось так, что политэкономическое и философское наследие Маркса трактуется как руководство к насильственному построению какого-то искусственного общества, которое в советское время называли «светлым будущим». В таком свете роль марксизма в истории сводится к призывам, да ещё совершенно безосновательным. **Такой подход к марксизму отождествляет его с религией, где вера не нуждается в обосновании.** Сложность марксизма как целостной системы взглядов и превращение его в советский период в систему догм стали причинами того, что не только обыватель, но и сотрудники соответствующих кафедр относились к нему только как к религиозному учению. После падения советской власти наступило разочарование в марксизме, как в вере. И вполне естественно, что марксизм не оправдал себя в качестве религии, так как является научной концепцией, где нет места слепой вере как в естественную, так и в сверхъестественную силу: наука требует обоснования. Кроме того, марксизм есть материалистическое учение, которое не только признаёт объективную реальность, но видит её предметом понимания всей человеческой жизни, как индивидуальной, так и общественно-исторической.

Сама эта материальная жизнь не может быть рассмотрена вне конкретного человека, а он – отдельно от неё. В противном случае человек становится всего лишь частью дикой природы, не имеющей отношения к социуму. Человек, как существо биосоциальное, сам является и частью природы («Первая предпосылка всякой человеческой истории – это, конечно, существование живых человеческих индивидов. Поэтому первый конкретный факт, который подлежит констатирова-

нию, – телесная организация этих индивидов и обусловленное ею отношение их к остальной природе» [4, т. 3, 19]), и частью общества («Раз человек уже существует, он, как постоянная предпосылка человеческой истории, есть также её постоянный продукт и результат» [4, т. 26, ч. 3, 516]). Без человека нет и не может существовать никаких социальных связей и общества в целом. Но и человек, создавая вторую природу вокруг себя, мыслит себя, себе подобных, дикую природу в контексте социальных условий, то есть той системы общественных связей, в которой он живёт. У общественного человека нет непосредственной связи «индивид – природа», так же, как по мере роста общественного организма утрачиваются непосредственные связи «индивид-индивид»: они **опосредуются системой общественных связей**, знаково, образно, понятийно отражаемой общественным сознанием.

Само же общественное сознание не является неким суммарным продуктом размышлений индивидов, но выступает неотъемлемой частью практической деятельности, и его производство «первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и материальное общение людей, в язык реальной жизни» [4, т. 3, 24]. В связи с этим понимание закономерностей социального движения требует такого подхода, который бы учитывал обе природы человека. До марксизма такая связь осуществлялась эклектикой воззрений абсолютизирующих одну из природ человека. Наиболее лаконично основу метода понимания общественного сознания социальной философии марксизма удалось выразить М.К. Мамардашвили: «Дело в том, что Маркс совершенно особо представлял себе социальные системы: в каждом случае он строил своё исследование так, что уже в исходном пункте имел дело с системами, реализующимися и функционирующими посредством сознания, то есть такими, которые содержат в себе свои же отображения в качестве необходимого элемента (или, иначе говоря, включают в себя сознание наблюдателя в качестве внутреннего эле-

мента собственного действия). Этого рода системами и были для него, по определению, социально-экономические системы. Отсюда оказалось возможным рассматривать сознание как функцию, атрибут социальных систем деятельности, выводя его содержание и формообразования из переплетения и дифференциации связей системы, а не из простого отображения объекта в восприятии субъекта» [3, 251].

Таким образом, только в марксизме удалось качественно иначе осмыслить общественно-исторический процесс и предложить метод постижения внутренних причин в самом социальном организме: «Каждый принцип имел особый век для своего проявления. Так, например, принципу авторитета соответствовал XI век, принципу индивидуализма – XVIII век... Но если, – чтобы спасти как принципы, так и историю, – мы спросим себя, далее, почему же данный принцип проявлялся в XI или в XVIII, а не в каком-нибудь другом веке, то мы неизбежно будем вынуждены тщательно исследовать, каковы были люди в XI веке, каковы они были в XVIII веке, каковы были в каждом из этих столетий потребности людей, их производительные силы, их способ производства, применявшееся в их производстве сырьё; каковы, наконец, были все те отношения человека к человеку, которые вытекали из всех этих условий существования. Разве изучать все эти вопросы не значит заниматься действительной земной историей людей каждого столетия, *изображать этих людей в одно и то же время как авторов и как действующих лиц их собственной драмы?*» (курсив наш. – Р.Д.) [4, т. 4, 138].

Как видно, здесь нет никакой абсолютизации ни одной из сторон человеческой жизни. В рамках одной концепции оказываются диалектически соотнесёнными причины и следствия социальных действий, когда «действие не может быть больше, чем причина, ибо действие есть не более как обнаружение себя причины» [1, 213]. Только **в целом** изучаемая система отношений – общество как единый организм, где личность и обще-

ственный процесс есть две стороны одного и того же явления, – может дать ответы на вопросы о причинах тех или иных противоречий в обществе, источниках внутренней напряжённости и развития, одной из исторических форм которых является классовый антагонизм.

Именно с такой методологией Маркс подошёл к пониманию классовых отношений: он впервые не разрывает человека и его конкретное общественное бытие. Социальное противоречие не есть нечто внешнее по отношению к индивиду, оно настолько же его часть, насколько сам индивид вырастает во всём многообразии самых непохожих друг на друга межчеловеческих отношений, на которых лежит печать социальной несправедливости. Только Маркс **впервые** вводит требование понимать эти самые отношения как опосредованные всей системой общественных связей. Это условие главное, так как только так можно не упустить ту часть социальных связей, которые не существуют непосредственно как отношение «индивид-индивид» и которыми общество в основном живёт, формируя свои ценности. Марксом вводится особое понятие *превращённой формы* (*Vervandelte Form*) для обозначения такого рода общественных связей, в которых часть второй природы человека (вещь, явление) наделяется свойствами общественных отношений, и эти отношения уже воспринимаются индивидом как нечто оторванное от человеческой деятельности. В общественном сознании эти формы закрепляются в виде самостоятельных факторов социальной жизни, и, что самое главное, социальные связи «индивид – превращённая форма» мыслятся автономно. Осознание и часть осознанного рассматриваются в противопоставлении, поэтому ускользает причина социального противоречия. Это часто происходит в политологических и социологических исследованиях в силу свойств их предметов исследования.

Только благодаря понятию превращённой формы возможно научное осмысление целостности социального организма, потому

что это сегодня единственный инструмент для изучения социальной природы всех тех явлений и вещей, что мыслятся отдельно от общественного устройства, от социальной организации. В качестве примера, для наглядности, можно привести деньги, которые сознание обывателя наделяет могуществом настолько, насколько наблюдает в социальной практике возможности их обладателей и моральное унижение тех, кто испытывает в них недостаток. Деньги представляются источником роскоши, наслаждения, доступа к культуре, образованию и тому подобного, но от сознания индивида остаётся скрытым понимание главного, а именно что деньги и их распределение есть *продукт* социального устройства, а не наоборот. Не деньги осуществляют присвоение и обогащение, а сама социальная система такого распределения людей по нишам общественного производства, при котором одни потребляют за счёт других. В сознании обывателя всё наоборот, поэтому он и стремится не к пониманию причинно-следственных связей в социальной реальности, а слепо бежит за фетишем, за тенью, которая приобретает в его сознании магическую силу.

В рамках данной статьи мы не ставили задачу раскрыть все методологические достижения социальной философии марксизма, однако необходимо упомянуть и заложенный в марксизме принцип отношения

к своему же творчеству, заключающийся в том, что *марксизм стал первой системой в истории философии, не претендующей на конечность собственных положений*.

Метод Маркса, как и всякий иной метод, рождён спецификой исторически наличествующей системы общественных отношений, и потому он не вечен. Вопрос только в одном: насколько хватит его актуальности? Учитывая, что иного инструментария анализа общественных антагонизмов нам так и не предложено, а марксистская методология всё ещё способна указывать на их причины, срок в полтора столетия оказывается совсем немалым.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 2. М.: Мысль, 1971. 248 с.
2. Джонс Р. Политическая экономия народов // Экономические сочинения. Л.: Соцэкгиз, 1937. С. 320-321.
3. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1992. 414 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: В 50 тт. Тт. 3; 4; 25; 26; 28. М.: Издательство политической литературы, 1955–1981.
5. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1962. 684 с.
6. Guizot F. Du Gouvernement de la France depuis la Restauration et du ministère actuel. Paris, 1820. 332 с.
7. Thierry A. Dix ans d'études historiques. Bruxelles, 1835. 674 с.